

не основным методом лечения зависимостей в реабилитационных центрах православной направленности, здесь определенно не приветствуется. «Трудотерапия» доступна только VIP-клиентам: у них есть доступ в конференц-зал для неотложных деловых встреч и переговоров. Даже для детоксикации выбраны препараты, не превращающие человека в бездеятельный укроп.

Слева — в Оптиной пустыни. Михаил часто приезжает сюда к своему духовному наставнику. Справа — с женой Анной и детьми в Крыму, 2011.

Важно, чтобы в процессе лечения пациент не заменил вид зависимости и из наркомана не стал бы трудоголиком.

Михаил считает, что ответа на вопрос, как люди становятся наркоманами — рождаются ими или приобретают эту болезнь — не существует: «Да это и не важно. Важно понимать, что наркомания — это не вампиризм: тебя однажды укусили или укололи, и теперь ты на всю жизнь такой. Каждый случай уникален и степенью зависимости, и ее формой, но в общем все истории очень похожи».

Кроме наркотических зависимостей в Rehab Family работают с эмоциональными аддикциями и расстройствами пищевого поведения, то есть булимией и анорексией. Анорексикам Михаил особенно сочувствует: «Представьте, что вы имеете контакт со своим наркотиком — едой — три раза в день, и ваша задача состоит не в том, чтобы полностью отказаться от его употребления, а в том, чтобы перестать видеть в нем наркотик. В нашей стране таких пациентов обычно даже не пытаются лечить».

В избавлении от наркомании есть очень опасный момент: зачастую пациент отказывается от одного вида зависимости в пользу другого, социально одобряемого. Например, становится истово верующим или трудоголиком. Этого нужно избегать. «Я сам православный, но это не значит, что все должны обратиться к этой же конфессии. Хотя мы будем побуждать пациентов выбирать путь духовно-нрав-

ственный, путь развития. Важно понимать, что наркотики — это костыль, на который опирается человек, потому что ему кажется, что нормально ходить он не может. Не надо подставлять другой костыль, мы можем научить обходиться без него».

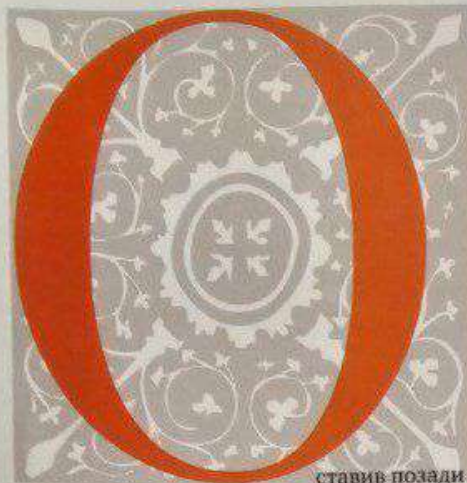
Речь заходит о друге Михаила Сагалаева, известном актере, на примере которого тема «костыля» становится полновесной: «Он боится, что без допинга в нем не будет того нерва, на котором он идет к зрителю. Он очень любит свою семью, но эта любовь в нем запечатана. Так часто бывает у зависимых людей, потому что ни жена, ни дети не готовы понять, что папа их очень любит, даже когда приползает домой в невменяемом состоянии. При этом зачастую отношения между мужем и женой или родителями и детьми становятся заточенными под этот костыль. Родные своим поведением неосознанно толкают человека к тому, чтобы он продолжал употреблять. Вот поэтому мы и приглашаем семью проходить терапию вместе с пациентом».

Возвращению в семью и созданию своей собственной Михаил посвятил около десяти лет. Результаты этой работы заметны в каждом кадре альбома «Сага о Сагалаевых», который с видимой любовью и гордостью собирает на фейсбуке Эдуард Сагалаев. Вскоре после выздоровления Михаил понял, что хочет делиться полученным опытом с другими. Поэтому залогом хорошей работы клиники он считает не только грамотный менеджмент, но и тот факт, что знает проблему изнутри, как некий тайный агент. «Мне хотелось начать это делать раньше, но мешала собственная социальная неадаптированность. В какой-то степени я своей болезнью очень благодарен — она открыла мне глаза на мир, стала отправной точкой. Пусть дно, от которого я оттолкнулся, было очень глубоко. Но до этого я был очень растерянным человеком. А теперь знаю, что делать».

И делает. ♦

В комнате отдыха Сагалаев показывает мне канарейку и ее недавно вылупившихся требовательных птенцов — еще до официального открытия клиника действительно стала семейной. Михаил убирает со стола журналы. Придумать такую деталь было бы пошловатым журналистским трюкачеством, но из песни про рехаб слов не выкинешь: стопку глянца венчает Billboard, с его обложки нам подмигивает вышеупомянутая и ныне покойная Эми Уайнхаус, которая так не хотела лечиться. Мы садимся за стол и продолжаем разговор:

— Ну что я употреблял? Да все. Все девьяностые. Всегда у меня что-нибудь было, и я охотно делился. При этом была работа, девушка любимая. Потом девушки уже не было, а на работу я приходил поздно, уходил рано и в процессе как-то... отсутствовал. Для того чтобы понять, что ты уже на дне, не обязательно натурально лежать под забором. Я и без этого чувствовал, что попадаю в зону отчуждения: приходишь в компанию, а люди так аккуратно сразу расходятся. В общем, были и внешние, и внутренние сигналы. Избавление заняло года полтора, последний рубеж был преодолен в Лондоне. С одной стороны, я был готов к лечению, как никогда раньше, а с другой, меня поразило то доверие, с которым к нам там относились. Например, мы с ребятами могли сходить в магазин за шоколадками, и за нами никто не шел с ружьем. Поэтому здесь у нас нет колючей проволоки и забор такой невысокий. Хотя не стоит его недооценивать. Просто, получив сразу какую-то свободу, ты думаешь: «А может, я все-таки хороший?» Сейчас у меня в жизни все достаточно хорошо, чтобы не было тяги к употреблению каких-то препаратов: замечательная семья — с женой мы вместе уже десять лет, много друзей, я их всех очень люблю. И все это стало появляться после лечения. При этом, когда я встречаю друзей из девьяностых, их первая реакция: «Мишань, ты живой! Как ты хорошо выглядишь!» Я действительно был на самом дне. Многие люди просто умерли за это время.

ставив позади

Москву, Икшу и даже широко известный в узких кругах спортивно-стрелковый комплекс «Лисья нора», я подъезжаю к забору. Нормальный такой, каменный, с добротными деревянными воротами, выше человеческого роста забор, ничего экстраординарного. На вывеске читаю – Rehab Family. Спасибо Эми Уайнхаус и Линдси Лоан, слово rehab достаточно русифицировалось, чтобы его не переводить.

И за воротами ничто не указывает на то, что путь к исправлению лежит через всевозможные лишения. Усадьба в четыре этажа с колоннами, в приятном отдалении еще одно строение, лужайки, елочки. На крыльце меня встречает владелец реабилитационного центра Михаил Сагалаев. Сам он предпочитает называть свое медучреждение «семейной клиникой психического здоровья и лечения зависимостей». На деле в этой нестандартной формуровке нет ни одного случайного слова.

Михаил улыбочив и очень похож на отца, президента Национальной ассоциации телерадиовещателей Эдуарда Сагалаева. Других встреч на этот день в его расписании нет, поэтому одет он предельно

неформально: кроссовки New Balance, как у доктора Хауса, поло Paul & Shark, как у всех, часы, впрочем, Harry Winston. «Это раньше я заморачивался по поводу дорогих костюмов и правильной обуви, а потом поехал в Лондон и понял, насколько это все не имеет отношения к жизни». Та поездка более десяти лет назад вообще многое поменяла в образе жизни Михаила Сагалаева. Именно британский рехаб стал последним в истории его болезни.

— У меня нет секретов, я наркоман. Сейчас это уже не проблема. Просто пришлось прийти к осознанию: реакции моего организма на наркотики и даже на алкоголь сродни аллергическим — кто-то ест рыбу, а кому-то нельзя. Я не мог оставить на столе недопитый бокал даже на деловых встречах. И вроде понятно было, что это странно, а иногда просто неприлично, но все равно допивал. В каком возрасте я заболел? Большой вопрос. Я начал чувствовать, что со мной что-то не так, еще в детстве, в школе. Не исключено, что это врожденное. Тогда же понял, что я не такой, как остальные. Другие, казалось мне, счастливы. А я не был счастливым, не был однозначным, смелым, решительным... У меня и сейчас много комплексов, просто теперь я отношусь к ним совершенно по-другому.

Поверить в то, что наркотики пришли в жизнь Михаила из-за какой-то внутренней неустроенности, не так-то просто. На фотографиях тех лет — молодой человек, о котором можно подумать: единственная проблема этого господина в том, что ему слишком легко все дается. Красивый юноша из очень хорошей семьи. Когда Ми-

хаил заканчивал школу, его отец был главным редактором информации Центрального телевидения СССР, одним из самых популярных и деятельных телевизионщиков страны, авторитетом, помимо прочего делавшим программу «Взгляд». Несмотря на уже вовсю развивающуюся болезнь, Михаил окончил операторский факультет ВГИКа и даже возглавил рекламное агентство «ТВ-6 Медиа».

Рассказ прерывается комментариями к нашей экскурсии. Михаил показывает мне столовую, зал для йоги, кабинеты врачей, комнаты пациентов: «Мы колебались, но все же решили, что у наших подопечных в комнатах должны быть телевизоры. Правда, список телеканалов у нас своеобразный — все, что может «спровоцировать», мы постарались убрать. В общем, остались «Культура» и Discovery». Кроме йоги и телевизора Rehab Family предлагает пациентам такие «мажорные» развлечения, как сра, лыжный склон, пешие и конные прогулки по лесу, пляж, прогулочный катер или квадроцикл. Для семей пациентов построен элегантный гостевой дом. Аскеза, которую считают едва ли ▶

В отпуске на Мальдивах. Вверху — с отцом Эдуардом Михайловичем. Внизу — с мамой Людмилой Борисовной.

Сын легендарного телевизионщика Михаил Сагалаев, выбравшись из наркопитического ада, открыл клинику лечения от опасных зависимостей.

*Текст: Евгения Милова («Ъ»)
Фотограф: Слава Филиппов*

ВАТЯ ДОМОЙ

